САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

О. В. Защиринская

СКАЗКОТЕРАПИЯ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГА

ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Оксана Защиринская

Сказкотерапия в работе психолога

«СПбГУ»

2016

УДК 159.98
ББК 88.492

Защиринская О. В.

Сказкотерапия в работе психолога / О. В. Защиринская — «СПбГУ», 2016

ISBN 978-5-288-05678-9

В учебно-методическом пособии раскрыты возможности профессиональной работы со сказкой. Представлены вечные образы сказочных героев, которые своими мыслями и поступками служат бесценным материалом для самоанализа и развития человека. После ознакомления с пособием читатель может попробовать самостоятельно сочинять сказки. Автор исследует различные виды сказок, где в конкретных примерах воплощены устремления людей к приобретению жизненного опыта. Описано применение психологического анализа сказочных сюжетов в психокоррекции и психотерапии. Предложена коррекционно-развивающая программа по сказкотерапии для младших школьников с интеллектуальной недостаточностью. Книга представляет интерес для широкого круга читателей: школьников, студентов, учителей школ, преподавателей вузов, родителей. Она привлечет внимание каждого, кто стремится лучше узнать самого себя.

УДК 159.98
ББК 88.492

ISBN 978-5-288-05678-9

© Защиринская О. В., 2016
© СПбГУ, 2016

Содержание

Предисловие 7
Глава 1 9
1.1. Определение сказкотерапии 9
1.2. Классификации сказок 11
1.3. Психологический анализ сюжета сказки 14
1. Глубинный смысл сказки и ее мораль не дидактичны 14
2. Собирательность образов. Неопределенность места действия и имени главного героя 15
3. Сказка как источник жизненного опыта, традиций. Многогранность и многоуровневость хранимой информации. Образность языка 15
4. Признак настоящей сказки – счастливый конец. Психологическая защищенность. Философское, экзистенциональное осмысление действительности 16
5. Ореол тайны и волшебства. Раскрытие потенциальности 17
Глава 2 19
2.1. Психология семейных отношений 22
Охотник и его жена 24
Доброе слово 25
Беззаботная жена 28
Брат и сестра 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Оксана Защиринская
Сказкотерапия в работе психолога: учебно-методическое пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Рецензенты:
д-р психол. наук, проф. *Н. В. Дмитриева* (СПбГИПСР);
д-р психол. наук, проф. *С. И. Костромина* (СПбГУ)

Рекомендовано к публикации Учебно-методической комиссией факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Предисловие

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, докторах хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод… сердце гложет…

Гёте, «Фауст» (пер. Б. Пастернака)

Почему книги по сказкотерапии привлекают внимание читателей? Объяснить этот интерес можно несколькими причинами. Во-первых, ***каждый из нас хочет жить «долго и счастливо».*** Можно всю сознательную жизнь заниматься самоанализом, но только привлечение многовекового опыта людей позволит отвечать на вопросы о смысле собственной жизни. В сказке отражена этнокультура многих поколений людей, а ее мораль может выступать в роли учителя, наставника – стоит только довериться ей и избавиться от некоторых социальных стереотипов. Во-вторых, очень заманчиво «мед, пиво пить», да так чтобы и по усам текло, и в рот попадало. ***Реализация стремления к вечному празднику заложена в человеческой натуре.*** Карнавализация быта имеет психотерапевтическую направленность. Здесь многое зависит от внутренних установок на создание своего ближайшего значимого окружения. Социальная роль и среда будут способствовать или мешать самореализации человека. В этом контексте уместно вспомнить русскую пословицу: на бога надейся, но сам не плошай. Сначала мы растем, взрослеем, набираемся опыта, умнеем – ив результате становимся способными что-то создавать собственными руками и интеллектом. Человек-созидатель изначально настроен на праздник души, оптимистическое мировосприятие. Его не надо в этом убеждать. Происходит экстериоризация (от лат. *exterior* – наружный, внешний) – процесс перехода внутреннего состояния во внешнюю, предметную деятельность. А что мы переводим во внешний план? Безусловно, стремление к лучшему. Пусть жизнь будет сказкой. В-третьих, *мы пытаемся улучшать собственную внешность.* Купаться в молоке не придется, оставим его для других нужд. Не будем также соглашаться с психологом, который начинает создание имиджа с внешних атрибутов. Даже бихевиорист здесь окажется сильнее стилиста и модельера. Мы попытаемся провести самодиагностику на материале сказок, критически осмыслить мудрость народных и авторских произведений, провести самоанализ и определиться со стратегией саморазвития, психокоррекции. Внешняя красота человека всегда связана с его интеллектуальными способностями. Каждому человеку рано или поздно приходится серьезно задумываться о своем внутреннем мире: упорядочить его, наметить линии роста в масштабах «Я». Учитывается и развитие способности к общению. После этого можно приступать к улучшению личности.

Получается, что в наших руках, благодаря сказкам, находится настоящий самоучитель жизни. Можно просто читать и заниматься саморазвитием.

Выделим некоторые ключевые характеристики данного курса сказкотерапии:

• в книге представлен практический опыт преподавания курса «Сказкотерапия для детей и родителей» на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета;

• показано, что любое практическое занятие можно преобразовать в творческую лабораторию, в которой каждый имеет возможность высказаться и быть услышанным;

• предложен анализ русских народных сказок (с ним можно спорить, но отдельные мысли окажутся актуальными для разных читателей);

• разъясняется, как самостоятельно писать сказки на основе функций В. Я. Проппа и современных психотехнологий.

Более подробно учебно-методические материалы по сказкотерапии и тексты различных сказок представлены на сайте автора книги: http://psychosuccess.ru.

Глава 1
Современные представления о сказкотерапии

1.1. Определение сказкотерапии

Сказкотерапия – один из видов арт-терапии, основанный на применении текстов сказок и подразумевающий психологическое воздействие на людей разного возраста с помощью морали сказок.

Существует много причин, по которым будущему психологу приходится знакомиться с приемами профессиональной работы со сказкой.

Во-первых, сказку знают все «от мала до велика», на ее содержании происходит воспитание подрастающего человека. С дошкольного возраста мы стараемся формировать у ребенка основу нравственного сознания и обращаемся к опыту многих поколений людей за ответом на вечные вопросы о добре и зле, религиозных заповедях, истине и вечных ценностях бытия.

Во-вторых, своим содержанием сказка развивает творческий потенциал, креативность. Речь идет о способности ребенка, взрослого удивляться и познавать, об умении находить решение в нестандартных ситуациях, нацеленности на открытие нового и возможности к глубокому осознанию своего опыта.

Древняя мудрость советует: «Веди обычную жизнь необычным способом». Можно необычную жизнь вести обычным способом. Наделяя мир атрибутами нестандартности, мы начинаем относиться к нему восторженно, совершать действия вне шаблонов и стереотипов. Значит, мы учимся творить! С нами начинают происходить загадочные вещи – «прямо как в сказке».

Взрослые стремятся сохранять реалистическое представление об окружающем мире и уверенно утверждают: «Чудес не бывает!». Зато после прочтения сказки возникает ощущение, что мы способны на большее, нежели до знакомства с ней – настолько сказка увлекает человека, изменяя глубины сознания. Ведь приятные неожиданности случаются в нашей жизни (по типу: «Обещанного три года ждут!»). Вера в них не иссякла и постоянно живет в душе. Это крайне важно, поскольку тем самым создаются условия для реализации потенциала человека как личности.

В-третьих, благодаря сказке совершается процесс познания окружающего мира. Он оживает для нас в новых образах, ассоциациях, а частное, индивидуальное интегрируется в историю ментальностей (для здоровья полезно быть как все).

В-четвертых, осмысляя сюжеты творчества, человек учится видеть самого себя в действиях, мыслях героев, живущих на страницах сказки. Мы формируем определенное мнение о различных типах отношений, человеческих характерах. Образы героев приглашают нас принять участие в процессе самопознания.

В-пятых, мы начинаем думать глобальными, общечеловеческими категориями, принимая и используя опыт многих поколений. Вне социальной среды понять ее законы невозможно. Сказка как путеводная звезда ведет нас через толщи веков, интегрируя в культуру.

В-шестых, восприятие сказочных коллизий помогает активизировать уже имеющийся жизненный опыт человека.

В-седьмых, происходит развитие эмоциональной сферы через метафорические формы воплощения сказок, историй, притч, анекдотов. Это доступно как ребенку, так и взрослому: при словах «волшебство», «волшебное» у каждого возникает интерес, восторг. Причина

такой реакции – положительная мотивирующая семантика народного и авторского творчества *(Пропп,* 2001).

В-восьмых, сказка представляет собой мощнейшее средство психокоррекции. Человек учится не только находить ошибки в своем поведении, общении, деятельности, но и моделировать ситуации их изменения, подвергая осмыслению личную активность через самоанализ в контексте сказочного сюжета.

В-девятых, реализуется научный синтез различных психотерапевтических техник. Все они органично объединяются единым сказочным повествованием. Происходит своеобразная терапия средой, особой сказочной обстановкой.

Таким образом, напрашивается тезис концептуального характера: ***сказка создает условия для максимальной реализации потенциала человека***.

Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева (1998а) выделяет следующие основные идеи (принципы) сказкотерапевтической психодиагностики, психокоррекции развития.

1. Психодиагностика с помощью «сказочных» приемов – проективная диагностика, которая позволяет описывать как целостную картину личности, так и ее отдельные проблемные и потенциальные элементы.

2. Сказкотерапевтическая коррекция – систематическое усиление потенциальных и творческих способностей, которые позволяют преодолевать проблемы человека. Она исключает директивность, императив при изменении негативных форм поведения. Выдвигается принцип «расширения спектра альтернативных реакций». С этой целью предлагается множество моделей поведения в различных ситуациях, которые можно «прожить», «проиграть». Чем больше моделей, тем гибче социальный интеллект, тем успешнее процесс социализации.

Думается, что сказка имеет для психического развития человека неувядающую ценность. Посмотрим пристальнее на ее содержание, представив себя в роли психолога-аналитика. Может возникнуть мысль о том, что в жизни встречаются коллизии из сказок, а сказочные герои, с их общеизвестными вопросами и проблемами, похожи на нас. Мы отыгрываем свой опыт на сцене повседневности: исполняем различные социальные роли, выступаем в разнообразных амплуа. Нас подстерегают страхи, опасности, взлеты и падения. Когда-то в детстве нам об этом прочитали много сказок, и теперь мы бессознательно начинаем руководствоваться ими в житейских перипетиях.

Так что же «спрятано» в сказочных сюжетах, почему они – кладезь народной мудрости, к которой мы с таким удовольствием стремимся приобщиться?

1.2. Классификации сказок

Сказки приходится дифференцировать, так как они имеют различные механизмы психологического влияния, воздействия на человека. Эти механизмы не всегда лежат на поверхности, чаще завуалированы, скрыты, не сразу доступны сознанию.

Первый вид сказок – художественные волшебные. Из названия понятно, что в них будет происходить что-то удивительное. Речь идет о различных вариантах превращений, могущественных старцах, ларцах и прочих заманчивых вещах. Сюжет будет очень извилистым, непредсказуемым, но в любой момент появятся помощники. Еще немного мучений и… счастливый конец!

Второй вид сказок – художественные о животных. Главными персонажами здесь являются различные звери, птицы, насекомые. Они живут, думают и действуют, как люди. У них тоже всё по-настоящему.

Третий вид сказок – художественные бытовые. В них действие обычно происходит в домах, подвалах, пещерах. Главные герои очень хозяйственны по своей натуре или, наоборот, разрушают собственный быт. Например:

Бейте тарелки., бейте розетки!
Вилки тупите, гните ножи!
Об пол бутылки! В печку салфетки!
Будет порядок – только скажи!
Рвите на части скатерти, гости!
Лейте на стулья жир от котлет!
Кости и корки под ноги бросьте!
Мажьте горчицей ценный паркет!
Чашки и рюмки – в чан с кипятком!
Ломом железным поворошите,
Выньте, откиньте и обсушите —
И на помойку все целиком!
Кто там без дела? Стыд и позор!
Эй, осторожней, хрупкий фарфор!

Джон Р. Р. Толкиен, Песня гномов из повести «Хоббит» (пер. И. Комаровой)

Такие сюжеты заканчиваются неожиданными вариантами и перспективами, так как многое зависит от деятельных персонажей, хлопочущих по хозяйству на страницах сказки. Если они не поддаются никаким позитивным изменениям, то влачат жалкое существование, их жизнь – безрадостные будни.

Четвертый вид сказок – художественные страшные. На читателя нагоняют страх ведьмы, упыри, лешие, оборотни, вурдалаки и прочая нечисть отвратного вида. Здесь выдержат только крепкие нервы: уж очень злостны и безобразны эти персонажи. Своими действиями они постоянно приковывают внимание, даже не являясь главными действующими лицами. Просто их поступки влекут катастрофические последствия.

Темнеет… Готовятся к чаю…
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О страшной колдунье беззубой.

О старой колдунье и гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесу незнакомом
Бродить ей с невидящим братом!
Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет… Сегодня суббота
И будет печальная мама.
Темнеет… Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю,
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

М. Цветаева, «В субботу»

Пятый вид – психотерапевтические сказки. Здесь рассказывается о различных проблемах человека, и каждый может узнать себя на страницах литературного произведения. Содержание сказки «лечит» нас своей неистребимой верой в добро: если есть яд, то много шансов обнаружить противоядие. Нас призывают не торопиться с выводами, не ждать скорейшего ответа на все вопросы, моментального обновления. Сказка – смена сюжетов, жизнь – долгий процесс, путь, в который каждый однажды пустился и бредет по пустыне и трещинкам сердца. Время врачует раны или стирает нас с лица земли – это в любом случает определенный результат. Надо только двигаться без устали вперед и… кто знает, чем всё кончится.

Шестой вид – дидактические сказки. Содержание сюжета имеет здесь во многом обучающий характер. Это удобные сказки, когда тебе всё рассказали и сделали основные выводы. Хочешь – можешь жить по писаному.

Седьмой вид – психокоррекционные сказки. В данном случае нас пытаются научить уму-разуму. Обычно такие сказки морализируют, заканчиваются нравоучениями: дескать, предупреждали, не послушался, теперь пеняй на себя. И ты, уважаемый читатель, тоже не подарок – иди ума набирайся. Своим содержанием сказка борется за позитивные и скорейшие изменения в поведении, личности человека. Нам советуют быстро взять себя в руки. Кому-то это действительно необходимо. Предусмотрены и более корректные, щадящие варианты воздействия на клиента, когда четко объясняются чужие проблемы, а ты уж думай, решай, как жить самому. Не придумаешь – спроси. Только у кого?

Восьмой вид – сказки для релаксации. Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева (1998а) отмечает, что их пишут с целью накопления положительного образного опыта, снятия психоэмоционального напряжения, создания лучших моделей взаимоотношений, развития личностных потенциалов.

Релаксация представляет собой погружение в процесс, направленный на получение эффекта успокоения и расслабления. Когда мы что-то увлеченно делаем (рисуем, сочиняем, играем), это условно можно принять за медитацию.

Существуют общие условия для проведения релаксаций:

• в помещении для занятий должно быть тепло, но не душно;

• освещение должно быть мягким и теплым, не нужно добиваться полной темноты (это многих пугает);

• специально подобранная музыка для релаксации (звуки природы с наложенной мелодией);

• удобная поза (положение «лежа, руки вдоль тела» вовсе не обязательно – клиент располагается так, как ему удобно; если человек не хочет закрывать глаза, не нужно настаивать на этом);

• ритуал «входа» и «выхода» из состояния релаксации предполагает неторопливость и постепенность.

Интересны медитативные сказки на осознание себя в настоящем – «здесь и сейчас». Характер их изложения – путешествие. Принцип построения сюжета максимально прост: «Мы с вами переносимся в удивительно сказочную страну, в самое ее сердце – на Волшебную Поляну. Мы лежим на ней и видим над собой высокое, чистое, голубое небо. Слушаем, как поют птицы и переговариваются деревья, журчит ручей. Чувствуем рядом аромат спелой земляники и свежевыпеченного хлеба – его только что испекла Добрая Волшебница, живущая неподалеку. А если мы протянем руку, то сорвем и положим в рот крупную ароматную ягоду и ощутим сладость спелой земляники. Шелковая молодая трава, устилающая Волшебную Поляну, нежно щекочет наши руки, ноги, лицо…»

Сказки описательного характера, рассказанные под музыку, также развивают воображение и произвольное внимание.

1.3. Психологический анализ сюжета сказки

1. Глубинный смысл сказки и ее мораль не дидактичны

В сказках нет прямых нравоучений. Иначе ребенок будет стремиться делать всё иначе, наперекор здравому смыслу (*Зинкевич-Евстигнеева*, 1998).

К примеру, вспомним сказку «Три поросенка». Самым привлекательным персонажем является старший Поросенок: умеет веселиться, построить дом, приютить друзей, отстоять свою и чужую жизнь. Он гибко соотносит принцип удовольствия с принципом реальности, представляя своим поведением, мироощущением абсолютно социально адаптированное существо, к тому же с творческим началом.

А теперь возьмем басню И. Крылова «Стрекоза и муравей», которая содержит явное нравоучение. Муравей слишком хорошо знает: «делу время, потехе – час». Муравей крайне положителен, однако дети, как я думаю, любят и стрекозу, сочувствуют ей, когда муравей говорит: «Ты всё пела – это дело, так пойди же попляши!». Дети могут узнать здесь себя: они тоже проказничают, получают выговоры от родителей и переживают по этому поводу.

Сказка позволяет бессознательно идентифицировать себя со многими персонажами. Значит, появляются возможности:

• научиться прогнозировать будущие проблемы;

• вовремя видеть трудности и их устранять;

• гибко совмещать удовольствия с необходимыми делами и т. д.

Сказка не выступает в роли ментора, не «учит жить», а помогает приобретать социальный интеллект, «мягко» намекая на проблемы и перспективы развития.

В волшебном повествовании мы часто встречаем метафоры, всегда проникающие в сферу бессознательного человека. Происходит активизация внутренних потенциальных возможностей. Человек ищет выход из ситуации. Метафора не директивна, она только намекает, направляет, наставляет (*Баркер*, 1995). Метафора:

• создает вокруг человека ауру психологической защищенности;

• позволяет человеку приподняться над своей проблемой, посмотреть со стороны, что ему мешает.

Психолог получает в процессе оказания помощи клиенту уникальные возможности:

– активизировать его интуицию;

– развивать фантазию;

– учить мыслить в образах сказочной истории.

«Мягко» изменяется позиция клиента. Очень осторожно следует обходиться с интерпретацией. Например, есть восточная притча:

Один восточный властелин увидел страшный сон, будто у него выпали один за другим все зубы. В сильном волнении он призвал к себе толкователя снов. Тот выслушал его озабоченно и сказал: «Повелитель, я вынужден сообщить тебе печальную весть – ты потеряешь одного за другим всех своих близких!» Эти слова вызвали гнев властелина. Он велел бросить в тюрьму несчастного и призвать другого толкователя. Тот, выслушав сон, сказал: «Я счастлив сообщить тебе радостную новость – ты переживешь всех своих родных!» Властелин был обрадован и щедро вознаградил толкователя. Придворные очень удивились: «Ведь ты сказал ему то же самое, что и твой несчастный предшественник!»

На что последовал ответ: «Мы оба одинаково истолковали сон. ***Очень многое зависит не от того, что сказать, а от того, как сказать».***

Сказки – ненавязчивое ***воспитательное средство.*** Они передают нравственные ценности, правила поведения. При этом занимательные приключения героев, образность языка делают даже самую суровую мораль интереснее, приемлемее, безопаснее. Человек может осознавать неожиданно связь сказочной истории со своим поведением. Только во всем необходимо чувство меры, а то получится как у персонажа Джерома К. Джерома: прочитал медицинскую энциклопедию и обнаружил у себя почти все болезни.

Таким образом, ***воздействие через метафору может оказаться глубинным и удивительно стойким.*** Оно затрагивает не только поведенческие пласты психики, но и ее ценностную структуру.

2. Собирательность образов. Неопределенность места действия и имени главного героя

Вспомните традиционное начало сказки: «В некотором царстве, в некотором государстве»… Нас сразу предупреждают, что такая история могла произойти где угодно. Определенное место действия психологически отдаляет читателя от событий, происходящих в сказке, – ему становится сложнее перенести себя в конкретное место событий, особенно если он там никогда не был.

Главный герой – собирательный образ. Имена главных героев в сказках часто повторяются. Отсутствие жесткой персонификации позволяет человеку с большей мотивацией, по собственному желанию идентифицировать себя с главным героем. У свободного творчества, фантазии нет никаких рамок.

3. Сказка как источник жизненного опыта, традиций. Многогранность и многоуровневость хранимой информации. Образность языка

Благодаря своему языку сказки легко запоминаются. Они роятся перед нами как трудолюбивые пчелы. В них закодированы:

- жизненный выбор;
- любовь;
- борьба со злом;
- преодоление себя;
- ответственность;
- взаимопомощь (*Зинкевич-Евстигнеева*, 2001).

Представим распутье. Перед главным героем три варианта возможных действий. В жизни тоже постоянно приходится принимать решения по разным вопросам. В сказке выбор делается далеко не в пользу страждущего: вместо богатства – дорога, причем связанная с серьезными потерями. Но благодаря самоотверженности в конце сказки герой оказывается самым богатым, счастливым, а «разумные» участники сюжета теряют всё. И поделом! Нельзя быть прагматиком «до мозга костей».

Значит, сказка учит не разумным, а каким-то другим критериям выбора? Сказка содержит несколько смыслов, и мы бессознательно извлекаем самый важный для себя. Восприятие сказки может меняться на протяжении жизни: прежний опыт дополняется новым, неизведанным. По мнению Н.Пезешкиана (2011), так «работает» механизм хранения личного опыта в сказочных историях. Многогранность смыслов одной и той же сказки может помочь человеку в разные периоды жизни решать актуальные проблемы. Это делает пациента более независимым от психолога.

Сказке все возрасты покорны. Рассмотрим, например, интерпретацию знаменитой русской сказки «Колобок». В ней изображены последствия необдуманных, детских решений. В 3–5 лет ребенок может вынести мораль: «Взрослых надо слушаться» (на примере своего возрастного кризиса «Я сам»). Ребенок может сделать и другой вывод – что нужно уметь обходиться без помощи родителей (самообслуживание и пр.). Подросток же будет учиться общению с разными типами людей: «Зайцами», «Медведями», «Колобками», «Лисами». Взрослый постарается понять философскую подоплеку сказки, обратит внимание на причины и следствия поступков всех героев сказки.

Так или иначе, переживая с героями и за героев, наблюдая за их судьбами, проживая сказочные ситуации, человек создает собственную картину мира. На ее основании он будет воспринимать различные ситуации и действовать определенным образом в житейских обстоятельствах.

Дети часто просят перечитывать одну и ту же сказку. Почему? Она может соответствовать текущему мировосприятию ребенка, которому нелегко дается осознание логики взрослых. Ответы на свои возрастные вопросы легче найти в сказочных ситуациях, образах, сюжетах.

Взрослому сказки помогают избавиться от «чистой» логики, разумного стиля мышления. Творческое начало позволяет по-новому посмотреть на мир. Часто это способствует разрешению как внешних, так и внутренних конфликтов.

Итак, взрослые, студенты, школьники часто усваивают материал лучше, если предлагается пример из жизни, метафора. Образность важна для восприятия.

4. Признак настоящей сказки – счастливый конец. Психологическая защищенность. Философское, экзистенциональное осмысление действительности

Никто не будет отрицать существование сказочного разделения на добро и зло. Читателям ясно, кто мешает жить и каким способом его можно победить (а вот психотерапевту приходится долго разбирать этот вопрос с клиентом). Ребенок видит, что тот, кто совершил плохой поступок, обязательно получит по заслугам. Тот, кто проходит через все испытания, проявляет свои лучшие качества, обязательно вознаграждается. Действует сказочный закон: *как ты относишься к миру, так и мир относится к тебе.*

В сказках, как и в жизни, зло выступает под маской добра, а добрый персонаж может изначально иметь непривлекательную личину. Однако в любом случае добро торжествует над злом. Это создает для человека состояние психологической защищенности: что бы ни произошло – всё закончится хорошо. Мы познаем через сказку подлинный смысл добра и зла, привыкаем к необходимости и важности испытаний, которые делают нас сильнее, мудрее, учимся прощать своих врагов, подставляя щеки.

Интересна сама по себе проблема трансформации героя. Во-первых, своими превращениями он доказывает, что роль экспромта чрезвычайно велика. Во-вторых, просто победить зло недостаточно – важен процесс перерождения, трансформации «плохого» героя, важно понимание первопричин негативных проявлений. В-третьих, читатель приобретает уникальный опыт самостоятельного разрешения труднейших ситуаций, выступая в роли волшебника. Хороший конец – это не просто физическое уничтожение зла, а положительная трансформация главного героя: ему больше всех доставалось шишек, он и получил самую великую, ценную для себя награду.

5. Ореол тайны и волшебства. Раскрытие потенциальности

Волшебная сказка как живой организм – в ней только совсем мертвый «не дышит», да и то… Сами знаете: спрыснут живой водичкой – и понеслось! Любой предмет может заговорить с кем угодно и о чем угодно. Благодаря этому психика читателя развивается. При чтении сказки он «вживается» в повествование, идентифицирует себя с различными персонажами. Формируется способность к децентрации (умение поставить себя на место другого человека), активизируется фантазия, интуиция. Читатель учится отличать себя от других, видеть частью многогранного мира, ощущать собственную сопричастность ко всему происходящему, изменяющемуся (*Зинкевич-Евстигнеева*, 1998).

Только в сказке возможно всё. Нет ментальных ограничений, существующих в обычной жизни. Здесь можно не бояться мечтать, строить образы Будущего, Желаемого (*Зинкевич-Евстигнеева, Грабенко,* 2002). В сказке «не работает» привычная формула: «Это у меня не получится». Все возникающие неудачи временны, возможности героев еще не исследованы, не поняты. Поэтому хорош психологический прием: «Что бы Вы сделали, если бы у вас в руках оказалась волшебная палочка?». Сказка раскрывает человеческую потенциальность, и, обретая опыт решения проблемы, читатель «сказочными» способами переносит его на реальные жизненные ситуации (*Зинкевич-Евстигнеева*, 1999; 2001).

К. Г. Юнг как-то раз заметил, что сказки как ничто другое помогают изучать сравнительную анатомию человеческой психики (Юнг, 1998).

Психоанализ обращает внимание в основном на изучение волшебных сказок, усматривая в них общечеловеческую основу жизни. Волшебные сказки – это то, что:

1) понимают все;

2) находится вне культуры, вне расовых различий – поэтому они способны легко мигрировать;

3) позволяет самоидентифицироваться. Например, слушая сказку о гадком утенке, человек хочет превратиться в принца. Это случай клиента с комплексом неполноценности. Получается, что сказка дает воодушевляющий и жизнеутверждающий пример для подражания, который напоминает человеку о неограниченных жизненных возможностях. Хочешь быть творцом своей судьбы – будь им! Кто мешает? Сам себе и мешаешь.

Интерпретация – это искусство и умение, которому можно научиться только благодаря собственному опыту, на практике работы с клиентом. Устроим маленький интеллектуальный тренинг. Важно, например, обращать внимание на количество персонажей в начале и конце сказки. «У короля было три сына». Значит, в семье четыре лица мужского пола. Нет матери, других женщин. В конце сказки появляются мать, невесты – три новых женщины. Таким образом, в целом ***сказка посвящена высвобождению женского начала*** *(Франц,* 1998, с. 45–94).

А вот еще одна тема для размышления. Часто сказка начинается с проблемы: «старый король заболел», «крадут золотые яблоки». Важно понять, в чем же состоит психологическая проблема. Так ли была важна болезнь или кража по сравнению с бессознательным поведением персонажей, их ходом мышления?

В психоанализе также обращают внимание на характер ***перипетии,*** под которой понимаются резкие изменения, взлеты и падения. Она может быть долгой или короткой. Это становится диагностическим фактором для разворачивающейся сказочной ситуации. Чем перипетия длительнее, тем выраженнее садистические тенденции в поведении персонажей или самого автора литературного произведения.

Далее следует кульминация (решающий момент). Всё заканчивается хорошо или превращается в трагедию. Кульминация – высшая точка психического напряжения. Важно обратить внимание на то, как ведут себя при этом герои.

Далее наступает ***развязка*** – лизис, а иногда и ***катастрофа.*** Как воспринимают горькую действительность действующие лица? На что настраивают самого читателя? Тут держи ухо востро!

Коснемся психоаналитической интерпретации некоторых ключевых элементов сказки. ***Сказочный герой*** – это архетипическая фигура, которая является моделью Эго, функционирующего в соответствии с Самостью. ***Ветер*** – символ вдохновения, скорейших изменений. Значение данного мотива состоит в том, что человек позволяет своим мыслям и фантазиям свободно блуждать, следуя воздействиям, которые идут из глубин бессознательного. Главное – не утонуть! ***Перепутье*** – обращение к бессознательному. Вы стоите и ждете, когда бессознательное придет на помощь, изнутри возникнет ответ на гамлетовский вопрос «Как жить (быть) дальше?». ***Сказочное движение вниз*** символизирует спуск в глубины бессознательного. Мы еще не обозначили свою проблему, но находимся в состоянии ее непрерывного поиска. И немудрено, ведь от этого зависит наше будущее.

Глава 2
Психологический потенциал сказки

«Жили-были Дед и Баба. И была у них курочка Ряба…» Трудно найти человека, который не знает этой сказки, уже много десятков лет она привлекает большого и маленького слушателя. Но так ли понятно ее содержание, как кажется на первый взгляд? (М. *В. Ермолаева*, 19986, с. 127) по этому поводу размышляет: «В “Курочке Рябе” с точки зрения логики житейской мысли недоумение вызывают три очень важных, ключевых для сказки момента:

• во-первых, почему, получив золотое яичко, дед и баба начали его бить;

• во-вторых, почему, когда этот труд совершала для них мышка, они ударились в плач;

• в-третьих, неужели простое яичко можно всерьез рассматривать в качестве адекватной замены золотому».

Получается, что сказка абсурдна. Так имеет ли смысл тратить драгоценное время на ее прочтение и интерпретацию? Не будем торопиться с выводами. Посмотрим на проблему глазами психолога, который способен предложить различные варианты анализа текста. Курочка Ряба может рассматриваться как воплощение чуда, дара, приятной неожиданности, чего в нашей жизни явно не хватает, а яичко – как символ богатства, к которому нужно привыкнуть, научиться с ним обращаться. В современной трактовке Дед и Баба могут превратиться в прообразы «новых русских» с их отсутствием культуры отношения к деньгам.

В жизни духовное и материальное богатства всегда даются человеку с большим трудом, если он создает их самостоятельно. На непростом пути накопления будут встречаться частые разочарования, потери смысла жизни. Забота только о материальном благополучии заставляет расплачиваться человеческими ценностями: добротой, честностью, дружбой и любовью. Сказки всегда подсказывают нам, что богатый не может быть положительным персонажем. Испокон веков передается одна мысль: бездуховное богатство – плохо, и всё же человек упрямо, неотступно к нему стремится. А народная мудрость настойчиво иронизирует по поводу стремления к наживе и дарит главному герою несметные сокровища. Они возникают «по щучьему велению, по моему хотению», при повороте кольца, взмахе волшебной палочки, благодаря усилиям добровольных помощников, таких как Кот в Сапогах, Сивка-бурка, Конек-Горбунок, добрые волшебницы, феи, морские царевны и пр. Неожиданно приобретая, главный герой, как правило, без сожаления всё теряет по тривиальным причинам, оправданием чему служит «русская натура». В конце сказки вокруг остаются только самые дорогие, близкие люди. Ценности обретены в результате жизненного пути. Остается признать, что *сказка экзистенциальна* по своей сути.

«Жили-были старик со старухой. Просит старик: “Испеки, старуха, колобок…”» Каждому дошкольнику хорошо знакома эта сказка *(Народные русские сказки…,* 1982, с. 32–34). Далее колобок самовольно отправляется путешествовать, предлагая другим героям выслушать свою заносчивую песенку. Особенно ею заинтересовалась лиса, попросила спеть второй, третий раз…

Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню. «Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок», – сказала лиса и высунула свой язык. Колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса – ам его! – и скушала.

Что делать, чтобы в жизни тебя «не скушали»? Нехитрая сказка предлагает свою версию ответа:

• во-первых, без предварительной подготовки (воспитания, обучения) не суйся «вперед батьки в пекло»;

• во-вторых, одними коммуникативными навыками с человеческим ресурсом не совладать;

• в-третьих, здоровая критичность мышления еще никому не мешала, а амбициозность, завышенное самомнение, заносчивость, глупость запросто определяют человека в разряд «съеденных».

Печально, что потом даже предъявлять претензии некому. Виновато собственное недомыслие. Поэтому сказка приобретает скрытый психокоррекционный смысл, указывая на синдром бродяжничества и преморбидную личность. Она *ратует за культуру отношений между людьми,* возникающую при условии определенного уровня развития социального интеллекта: кто успел, тот и съел.

В сказке «Сивка-бурка» (*Русские народные сказки,* 1985, с. 247–254) разворачивается один из вариантов сюжета о счастливой случайности, сделавшей главного героя красивым и умным. «Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали…» Только Иванушка ночью не спал, пшеничное поле берёг и поймал «вещую каурку». Они профессионально договариваются о взаимодействии. Рядом нет медиаторов, и конфликт решается не по типу компромисса, а по типу «выиграть – выиграть», оставляя и Ивана, и Сивку-бурку своего рода победителями ситуации.

Возвращаясь домой, Иванушка с большим удовольствием выполняет роль игротерапевта в семье – ведь нельзя же объявить близким, что они ленивые, недальновидные, некомпетентные в общении люди, которые довольствуются социальными стереотипами. Дурачок оказывается наиболее самодостаточным персонажем, так как бессознательно находится на пути самореализации. Сказка не заставляет долго ждать: замуж выдают царскую дочь Елену Перекрасную, и надо только допрыгнуть на коне до высокого окна и снять с ее руки перстень. «Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею себе ломать». Иванушка тут как тут, с третьего раза не только перстень снял, но и умудрился невесту поцеловать. Сидя дома на печи с замотанной в тряпку рукой, он настойчиво продолжает диагностировать родственников:

– Братцы, а не я ли это там был?

– Сиди, дурень, не болтай зря!

Тут Иванушке захотелось на царевнин драгоценный перстень взглянуть. Как размотал он тряпку, так всю избу и осияло!

– Перестань, дурень, с огнем баловать! – кричат братья. – Еще избу сожжешь. Пора тебя совсем из дома прогнать!

Не поддаются братья психокоррекционному воздействию, хотя психологические услуги предлагаются ненавязчиво, профессионально, играючи и бесплатно. Пока царевна сама не разыскала своего жениха, никто не подозревал, что жених этот – не кто иной, как дурачок. «Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь!» Здесь бы радоваться, пировать, но становится грустно: насколько разум человеческий негибок, слеп, склонен к навешиванию ярлыков и раздаче штампов. Действительно, лень вперед нас родилась и не позволяет активно изучать людей, окружающий мир. *Сказка осторожно, с иронией учит нас социальной компетентности.*

Читая сказку, иногда удивляешься глупости богатых людей и природному уму, искрометному чувству юмора бедняков. Существует объяснение и этому сказочному феномену. Кто будет более активен: сытый или голодный, богатый или бедный, столичный житель или провинциал? Жизнь лишний раз свидетельствует о наличии неистребимых компенсаторных механизмов, заставляющих человека влиять на себя и социум. Возникает активность по типу «вечного двигателя», обеспечивающего все стороны существования индивида в культуро-

логическом пространстве. Хочешь жить – умей вертеться! С этим трудно поспорить. Вот и становимся деятельными, умными, реалистичными, проявляя к окружающим бесконечную толерантность: отмалчиваемся, улыбаемся, отшучиваемся. Некоторые русские народные сказки как будто специально посвящены этому, представляя собой динамичный диалог двух главных героев.

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный:
– Эй, постой! Что на базар везешь?
– Солому.
– Врешь, дурак! Какая солома – это дрова!
– Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!
Сказал бедный и поехал своей дорогой.
На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем.
– Так и так, – рассказывает ему, – разобидел меня бедный мужичишка!
А бедный тут как тут – едет опять навстречу.
– Вот он – вчерашний мужик-то! – говорит богатый.
– Нет, врешь! – отвечает ему бедный. – Яне вчерашний: скоро сорок стукнет, как я живу на белом свете.
(Народные русские сказки…, 1982, с.549)

Сказка снова ***учит чувству юмора и быстроте интеллектуальных реакций.***

2.1. Психология семейных отношений

Испокон веков семейные неурядицы будоражили воображение человека. Очень много сказок посвящено внутрисемейным отношениям. По своему содержанию они полифункциональны: во-первых, дидактичны, так как учат мужским и женским социальным ролям, гармоничным отношениям между супругами; во-вторых, психокоррекционны: заставляют задуматься о возможностях изменения личности, поведения человека с целью создания или налаживания отношений между мужем и женой.

В сказке мы видим поведение настоящего хозяина, мужика, который:

• поддерживает свое амплуа кормильца, добытчика;

• старается влиять, воздействовать на сознание супруги;

• расплачивается за свои неумные действия;

• приобретает опыт, избегая ошибок благодаря добрым друзьям, советчикам.

Жена зачастую представляет собой одиозную фигуру, и жизнь перестает казаться медом. Она слишком:

• умная;

• красивая;

• могущественная (но тщательно скрывает это до поры до времени);

• глупая;

• коварная, злая;

• хозяйственная;

• старая и т. п.

Женщина сама по себе становится испытанием для мужчины, проверкой на прочность мужских достоинств. В зависимости от возможностей влияния жены на мужа он благоденствует (становится красивее, умнеет, богатеет, процветает, выздоравливает, «рождается заново» как личность) или начинает вызывать жалость у читателя (глупеет, болеет, портится характером, разоряется, получает инвалидность, умирает).

В некоторых сказках семейная пара представляет собой некий симбиоз по типу: «Муж и жена – одна сатана». У такой пары ума хватает больше на пакости, чем на рождение и выращивание потомства, взаимопомощь и нравственное обогащение друг друга. С подачи жены в голове у мужа роятся недобрые мысли, но в его дела вмешиваются посторонние, сказочные лица и вносят своевременные коррективы в асоциальное поведение «заблудшей овцы». Мужской типаж «женского подкаблучника» жалок и не вызывает симпатии. Интереснее вариант неумного, неопытного жениха (мужа), который, руководствуясь нравоучениями невесты (жены), не проявляет упрямства, а следует ее систематическим указаниям. В ходе собственных действий он оказывается способным к анализу ситуаций – и пожалуйста: наступает абсолютный «хэппи энд»:

• *«Стали они вместе жить-поживать да добра наживать»;*

• *«Вот веселым пирком, да и за свадебку!»;*

• *«Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут»;*

• *«Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи»;*

• *«Сколько тут было радостей, сколько веселья! Обвенчались и стали жить, да быть, да добро копить»;*

• «*Проснулся, видит – дело сделано, ничем не воротишь! И велел свадьбу справлять, пир пировать, гостей угощать»;*

• *«Взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить, да поживать, да добра наживать»;*

• «С *тех пор старик со старухой стали жить так хорошо, так дружно, что старик везде ею похваляется, тем и сказка кончается»;*

• *«Женился Иван крестьянский сын на прекрасной королевне, отпировали свадьбу богатую, и стал себе жить, не тужить. Вот вам сказка, а мне бубликов связка»;*

• «*Иван-царевич взял Марью-царевну… И стали они жить-поживать, добра наживать»;*

• «А *удалец на той царевне Полюшке женился и раздиковинную пирушку сделал; я там обедал, мед пил, а уж какая у них капуста – ино теперь в роте пусто!»;*

• *«Он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии»;*

• «А *Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, полюбовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли»;*

• *«Тут их и обвенчали; на той свадьбе я и был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало»;*

• «А *царь с младой царицею стал жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовался и в золоте водил».*

Не всегда в русских народных сказках семейные перипетии заканчиваются счастливо. Обстоятельства иногда складываются так, что мужу или жениху приходится применять превентивные меры. Тут не скупятся в средствах, так как женщина доводит мужчину до полного разорения, лишает возможности служить Родине, заниматься любимым делом, наслаждаться тихим семейным счастьем, в конце концов, банально изменяет. Доведенный до отчаяния русский мужик занимается рукоприкладством:

• *«Иван Голый не стал дожидаться, сам ухватил царевну за косы и до тех пор волочил ее по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всем мужа»;*

• *«По его слову королевну взяли – неверную жену, привязали за хвост к дикому жеребцу и пустили в чистое поле; жеребец полетел стрелою и размыкал ее белое тело по яругам, по крутым оврагам»;*

• *«Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали ее кони по чистому полю»;*

• *«Дед как узнал всё это, рассердился на жену и застрелил ее»;*

• *«Засмолили в бочку, бросили в море, но не так ее бог хранил: она тут же канула на дно, и след пропал»*;

• *«Взял тогда – рознял их, полюбовнику шею накостылял, а жену домой отвел да изрядно поучал, приговаривая: “Вот тебе диво дивное!*

Вот тебе чудо чудное!”».

Муж борется за свои жизненные перспективы, рассчитывая видеть в жене если не помощницу в делах, то сочувствующую половину Особенно удачно складываются дела у мужчин, которым досталась Василиса Премудрая. Однако неизбежно приходится потрудиться, померяться с кем-то силами и удалью, отправиться в трудное и опасное путешествие, договориться со злыми сказочными персонажами, что-то построить и т. п. Всё как в жизни: «Любишь кататься – люби и саночки возить». Приобретенное такими усилиями добро, счастье остаются с молодыми на всю последующую жизнь.

В сказках о семейных взаимоотношениях самым негативным персонажем часто оказывается жена, поступающая наперекор стремлениям мужа, игнорирующая его представления о добывании средств на существование. Если она вдобавок к своей вредности глупа, то может безвольного мужика довести до разорения, смерти.

Охотник и его жена

Жил-был охотник, и было у него две собаки. Раз как-то бродил он с ними по лугам, по лесам, разыскивал дичи, долго бродил – ничего не видал, а как стало дело к вечеру, набрел на такое диво: горит пень, а в огне змея сидит. И говорит ему змея:

– Изыми, мужичок, меня из огня, из полымя, я тебя счастливым сделаю: будешь знать всё, что на свете есть, и как зверь говорит, и что птица поет!

– Рад тебе помочь, да как? – спрашивает змею охотник.

– Вложи только в огонь конец палки, я по ней и вылезу.

Охотник так и сделал. Выползла змея:

– Спасибо, мужичок! Будешь разуметь теперь, что всякая тварь говорит; только никому про то не сказывай, а если скажешь – смертью помрешь!

Опять охотник пошел искать дичь, ходил, ходил, и пристигла его ночь темная.

«Домой далеко, – подумал он, – останусь-ка здесь ночевать».

Развел костер и улегся возле вместе с собаками и слышит, что собаки завели промеж себя разговор и называют друг друга братом.

– Ну, брат, – говорит одна, – ночуй ты с хозяином, а я домой побегу, стану двор караулить. Не ровен час: воры пожалуют!

– Ступай, брат, с богом! – отвечает другая.

Поутру рано воротилась из дому собака и говорит той, что в лесу ночевала:

– Здравствуй, брат!

– Здорово!

– Хорошо ли ночь у вас прошла?

– Ничего, слава богу! А тебе, брат, как дома поспалось?

– Ох, плохо! Прибежала я домой, а хозяйка говорит: «Вот черт принес без хозяина!» – и бросила мне горелую корку хлеба. Я понюхал, понюхал, а есть не стал; тут она схватила кочергу и давай меня потчевать, все ребра пересчитала! А ночью, брат, приходили на двор воры, хотели к амбарам да клетям подобраться, так я такой лай поднял, так зло на них накинулся, что куда уж было думать о чужом добре, только б самим уйти подобру-поздорову! Так всю ночь и провозился!

Слышит хозяин, что собака собаке сказывает, и держит у себя на уме: «Погоди, жена! Приду домой – уж я те задам жару!»

Вот пришел в избу:

– Здорово, хозяйка!

– Здорово, хозяин!

– Приходила вчера домой собака?

– Приходила.

– Что ж, ты ее накормила?

– Накормила, родимый! Дала ей целую крынку молока и хлеба покрошила.

– Врешь, старая ведьма! Ты дала ей горелую корку да кочергой прибила.

Жена повинилась и пристала к мужу, скажи да и скажи, как ты про всё узнал.

– Не могу, – отвечает муж, – не велено сказывать.

– Скажи, миленький!

– Право слово, не могу!

– Скажи, голубчик!

– Если скажу, так смертью помру.

– Ничего, только скажи, дружок!

Что станешь с бабой делать? Хоть умри, да признайся!

– Ну, давай белую рубаху, – говорит муж.

Надел белую рубаху, лег в переднем углу под образа, совсем умирать приготовился, и собирается рассказать хозяйке всю правду истинную. На ту пору вбежали в избу куры, а за ними петух и стал гвоздить то ту, то другую, а сам приговаривает:

– Вот я с вами разделаюсь! Ведь я не такой дурак, как наш хозяин, что с одной женой не справится! У меня вас тридцать и больше того, а захочу – до всех доберусь!

Как услыхал эти речи охотник, не захотел быть в дураках, вскочил с лавки и давай учить жену плеткою. Присмирела она: полно приставать да спрашивать!

(Народные русские сказки…, 1982, с. 359–361)

В этой сказке муж – честный человек, хозяйственник, без особых интеллектуальных способностей. Жена хуже, так как лишена элементарных морально-этических принципов. Она живет не с любимым человеком, а с его ресурсным состоянием. Диагностично ее злое, пагубное любопытство – выраженный эгоцентризм как личностная деформация в сочетании с делинквентным поведением. Своим содержанием ***сказка призывает мужчину при любых обстоятельствах, включая отношения с женщинами, не терять деловой бдительности*** и соответствовать своей социальной роли, иначе добра не жди. Всем, кто работает и отвечает за дело, людей, сказка напоминает о дифференцированном выборе тем для разговоров на семейной кухне.

Встречаются сказки, в которых все женские старания помочь мужчине, облегчить его жизнь заканчиваются ничем или принуждают кормильца семьи к самостоятельности. Поначалу герой так глуп и социально неприспособлен, что его личностная активность сводится к одной сплошной ошибке. Наступает момент, когда надо принимать жизненно важное решение: становиться совсем домашним (расписаться в полной беспомощности и никчемности) или вовсе покидать родной кров и «закаляться как сталь» в социальных перипетиях.

Доброе слово

Жил-был Иван Несчастный: куда ни пойдет работать – другим дают по рублю да по два, а ему все двугривенный.

– Ах, – говорит он, – али я не так уродился, как другие люди? Пойду-ка я к царю да спрошу: отчего мне счастья нет?

Вот приходит к царю.

– Зачем, брат, пришел?

– Так и так, рассудите: отчего мне ни в чем счастья нет?

Царь созвал своих бояр и генералов, стал их спрашивать: они думали-думали, ломали-ломали свои головы, ничего не придумали. А царевна выступила да и говорит отцу:

– А я так думаю, батюшка: копи его женить, то, может, и ему господь пошлет иную долю.

Царь разгневался, закричал на дочь:

– Когда ты лучше нас рассудила, так и ступай за него замуж!

Тотчас взяли Ивана Несчастного, обвенчали с царевною и выгнали

обоих вон из города, чтоб об них и помину не было.

Пошли они на взморье. Говорит царевна своему мужу:

– Ну, Иван Несчастный, нам не царевать, не торговать, надо о себе промышлять. Сделай-ка ты на этом месте пустыньку, станем жить с тобой, богу молиться да на людей трудиться.

Иван Несчастный сделал пустыньку и остался в ней жить с молодой женою.

На другой день дает ему царевна копеечку:

– Поди купи шелку!

Из этого шелку она важный ковер вышила и послала мужа продавать.

Идет Иван Несчастный с ковром в руках, а навстречу ему старик:

– Что, продаешь ковер?

– Продаю.

– Что просишь?

– Сто рублев.

– Ну, что тебе деньги! Возьмешь – потеряешь; лучше отдай ковер за доброе слово.

– Нет, старичок! Я человек бедный, деньги надобны.

Старик заплатил сто рублей; а Иван Несчастный пошел домой, приходит, хвать – денег нету, дорогою выронил.

Царевна другой ковер сделала; понес Иван Несчастный продавать его и опять повстречал старика.

– Что за ковер просишь?

– Двести рублев.

– Ну, что тебе деньги! Возьмешь – потеряешь; отдай лучше за доброе слово.

Иван Несчастный подумал-подумал:

– Так и быть, сказывай!

– Подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! – сказал старик, взял ковер и ушел.

«Что же мне делать теперь с этим добрым словом? Как покажусь к жене с пустыми руками? – думает Иван Несчастный. – Лучше пойду куда глаза глядят!»

Шел, шел, далеко зашел и услышал, что в той земле двенадцатиглавый змей людей пожирает; сел Иван Несчастный на дороге – отдохнуть вздумал, и говорит сам с собой вслух:

– Эхма! Будь у меня деньги, сумел бы я с этим змеем справиться, а теперь что? Без денег и разума нет.

Шел мимо купец, услыхал эти речи, что без денег и разума нет. «А что, – думает, – ведь и правда! Дай-ка я ему помогу».

– Сколько тебе, – спрашивает, – денег надобно?

– Дай пятьсот рублев.

Купец дал ему взаймы пятьсот рублев, а Иван Несчастный бросился на пристань, нанял работников, начал корабль строить.

Издержал все деньги, а дело еще в начале: как быть? Пошел к купцу:

– Давай, – говорит, – еще пятьсот; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!

Купец дал ему другие пятьсот рублев; он и те в корабль всадил, а дело еще на половине.

Опять приходит Иван Несчастный к купцу:

– Давай, – говорит, – еще тысячу; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!

Купец хоть не рад, а дал ему тысячу. Иван Несчастный выстроил корабль, нагрузил его угольем, забрал с собой кирки, лопатки, меха, рабочих людей и поплыл в открытое море.

Долго ли, коротко ли – приплывает он к тому острову, где было змеиное логовище. Змей только что нажрался и залег в своей норе спать.

Иван Несчастный засыпал его кругом угольем, развел огонь и давай раздувать мехами: пошел великий смрад по всему морю! Змей лопнул… Иван Несчастный взял тогда острый меч, отрубил ему все двенадцать голов и в каждой змеиной голове нашел по драгоценному камушку.

Вернулся из похода, продал эти камушки за несчетные суммы – так разбогател, что и сказать не можно! Заплатил купцу свой долг и поехал к жене.

Вот приезжает Иван Несчастный в пустыньку и видит: жена его живет с двумя молодцами, а то были его законные сыновья-близнецы (без него родились). Пришла ему в голову худая мысль, схватил он острый меч и поднял на жену руку… Вмиг припомнилось ему доброе слово: подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! Иван Несчастный скрепил свое сердце, спросил царевну про тех молодцев, и начался у них пир-веселье.

На том пиру и я был, мед-вино пил, калачами заедал.

(Народные русские сказки…, 1982, с. 446–449)

Главный герой появляется в тексте сказки с изначальным диагнозом – Иван Несчастный. Мы догадываемся, что сейчас он начнет настойчиво его оправдывать своими действиями. Сам он уже определил содержание собственной проблемы – ему мало платят по сравнению с другими. Он не глуп, решает отправиться на консультацию к царю. Победу в мозговом штурме жизненной перспективы Ивана Несчастного одерживает юная царевна, которую об этом никто не просил – она вылезла сама со своим советом, за что и поплатилась безбедным существованием. Героиня забыла или не знала, что мужчин раздражает сметливость и женский ум. Интеллектуально слабее подкованный царь, бессознательно ревнующий свою дочь к постороннему мужику (проигрывающему ему по всем показателям), принимает эмоционально насыщенное решение: «Ступай за него замуж, и пошли оба вон!» Царь жесток и несуразен в своем поступке псевдокомпенсаторного характера, который останется на его совести.

На взморье молодожены стали строить свой быт. Слушаясь царевну (она оказалась умной, трудолюбивой, мужественной), Иван Несчастный попадает под влияние старичка-манипулятора. Чем это грозит? Манипулятор – субъект общения, для которого сказочный партнер по сюжету – это соперник, достойный поражения. Выигрыш для манипулятора означает получение выгоды: материальной, житейской, психологической. Психологическая выгода заключается в позиции доминирования («сверху») над другим человеком. В данном случае особенности личности, частные интересы Ивана Несчастного для старичка не актуальны. Он гнет свою линию, руководствуясь сиюминутными запросами. Две одинаковые ошибки подряд позволяют окончательно разобраться в существе основной проблемы главного героя: он социально незрел. Пора приступать к тренингу социальной компетентности – идти, куда глаза глядят!

Иван Несчастный сознательно вступает в деловые, финансовые отношения, оказывается в «долгах как шелках», но действует упорно и не отступает.

Возвращение домой – радостное событие, но возникает субъективная неожиданность: дома, откуда ни возьмись, ждут два сына-близнеца. Иван об этом подумать не мог, зато сразу на жену руку стал поднимать. Тут и пригодились терапевтические по сути слова старичка-манипулятора. За время испытаний подсознание их переработало. Не стал Иван Несчастный видеть зло, где его нет, не скопировал невротическое поведение отца своей жены, отбросил худую мысль, всех на пир пригласил.

Вы спросите, в чем состоит счастливый конец? Иван Несчастный «уродился» социально, благодаря чему стал Счастливым.

Одна сказка, а сколько в ней житейских мудростей:

• женские советы не всегда серьезно воспринимаются мужчинами;

• чужим умом добра не наживешь;

• богатство не должно ассоциироваться с умом;

• жизнь всему научит;

• социальный опыт каждым приобретается самостоятельно, пусть даже методом проб и ошибок;

• в серьезных делах не стоит «пороть горячку»: с окончательными выводами обычно не торопятся;

• мужество и упорство (но не упрямство) украшают мужчину. Остается еще раз удивиться народной смекалке, благодаря которой

в одной небольшой сказке ***содержится полиморфизм жизненной мудрости, социального опыта.***

Почему же сказка часто учит уму-разуму на примере внутрисемейных отношений? Представляется, что именно здесь есть «простор для русской души»: нас терпят, нами занимаются, нам очень многое «сходит с рук». Семья превращается в «жизненный крест». Можно назвать ее экспериментальной площадкой, школой личностного роста. При благоприятных обстоятельствах «дома и стены лечат».

Беззаботная жена

Жили-были муж с женой. Жена была баба ленивая и беззаботная, да к тому же еще и большая лакомка: всё проела на орешках да на пряничках, так что наконец осталась в одной рубахе, и то в худой – изорванной.

Вот подходит большой праздник, а у бабы нечего и надеть, кроме этой рубахи. И говорит она мужу:

– Сходи-ка, муж, на рынок да купи мне к празднику рубаху.

Муж пошел на рынок, увидал, что продают гуся, и купил его вместо рубахи.

Приходит домой, жена его и спрашивает:

– Купил мне рубаху?

– Купил, – отвечает муж, – да только гуська.

А жена недослышала и говорит:

– Ну и узка, да изношу!

Сняла с себя изорванную рубаху и бросила в печку.

А потом и спрашивает:

– Где же рубаха? Дай я надену.

– Да ведь я сказал, что купил гуська, а не рубаху.

Так и осталась баба без рубахи, нагишом.

(Русские народные сказки, 1985, с. 547–548)

Нам представлены два абсолютно самодостаточных человека, живущих сегодняшним днем, по принципу: «Авось кривая вывезет». Типичный вариант ситуативного стиля жизни заставляет опытного профессионала обратиться к технологии принятия решений. Существуют два хорошо известных способа действия: путем обдумывания и без сознательного обдумывания. Призовем на помощь психодинамический подход в психотерапии *(Берн,* 1999, с. 76–81). Он подскажет, что на протяжении одного дня нам приходится размышлять над всевозможными мелочами, провоцирующими состояние постоянной нерешительности. Принятие решений без участия сознания (автоматически) называется привычкой, которая сберегает наши усилия в повседневных ситуациях выбора и снимает напряжение. Бессознательная сила поиска альтернатив основана на эмоциональных отношениях, которые мы усвоили в детстве от родителей и других значимых людей. Мы приобрели способность решать в соответствии с желаниями своих близких, экономя время и энергию. На основании таких рассуждений можно предположить, что супруги в сказке «Беззаботная жена» в детстве росли в ситуации эмоциональной депривации: дисгармоничные отношения между родителями, неполная семья, социальное сиротство, отец, плохо исполняющий свои обязанности, и т. п. Фактор «дисгармоничной семьи» привел к нарушению социального развития,

чреватому ежедневными неприятностями и лишениями. Страсть жены полакомиться орешками и пряниками – своеобразная псевдокомпенсация депривационных условий воспитания. Отсутствие позитивного родительского влияния исключило позитивное влияние содержательных морально-нравственных, этических уроков детства.

Отметим еще один интересный факт. У мужа и жены не сформировалась сознательная совесть, которая глубинна по своей личностной сути и с трудом поддается изменениям и контролю. Именно совесть, управляя поведением людей, заботится о наказании, которое может быть представлено мучениями от чувства вины. Если муж субъективно не испытывает вины после неправильной покупки, то обстоятельства как результат бессознательного поведения героев определяют наказание. Сказка называет свой вариант расправы: «Осталась баба без рубахи, нагишом».

Чувство вины и потребность в наказании означают, что образы родителей актуализировались и угрожают психокоррекцией мужу и его

беззаботной жене. «Пора поставить точку» – архетипически решают воображаемые нами родители. Другого выхода нет. Пока эта потребность в наказании не получит удовлетворения, она будет существовать, и психологическое напряжение станет расти и накапливаться годами, приводя человека в безуспешных попытках получить облегчение к патологической цепочке неприятностей. Разрушительная сила «Я» здесь направлена вовнутрь. Проблема сохраняется в самом человеке. Во внешнем, поведенческом плане – это постоянные беды по причине забывчивости, невнимательности и т. п.

Как видим, ***сказка выполняет психоаналитические задачи: учит психологии принятия правильных решений с учетом голоса совести и чувства вины, возникающих как социальный феномен родительского воспитания.***

Позволим себе еще один пример:

Брат и сестра

Шли проселком брат и сестра, стали подходить к деревне.

Брат говорит:

– Я здесь молока куплю.

А сестра:

– А я в молоко хлеба накрошу!

Брат ухватил сестру за косу и давай за нее дергать и приговаривать:

– Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!

Пришли в деревню, а молока никто и не продал.

(Русские народные сказки, 1985, с. 548)

Разве не случается такое и в жизни? Много рассуждал, а на деле проблема выеденного яйца не стоит. В данном случае брат занимается физическим наказанием сестры – учит уму-разуму. Во-первых, такое поведение недостойно мужчины. Во-вторых, он ищет и не может найти себе оправдание, расписываясь в собственном бессилии. Психопрофилактикой можно заниматься вербально, а не физически. Брат старается убедить всех, что сестра провинилась. Внешне это похоже на рационализацию: принял решение с учетом конкретной ситуации (в пользу себя, конечно). Не думается, что всё настолько просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.